

Марко КАРАТОЦЦОЛО
Università di Bergamo

О Николае Угоднике и Касьяне Угоднике у Достоевского (На материале Преступления и наказания)

I

Вопрос о присутствии Святого Николая в произведениях Достоевского уже нашел отражение в различных исследованиях, посвященных творчеству писателя (Мейер, Назиров, Агашина). Прямые и косвенные указания на образ или имя Св. Николая Угодника не раз встречаются у Достоевского, не только в художественных текстах, но и в переписке. В частности, в данной статье хочется обратить особое внимание на указание на образ Николая в *Преступлении и наказании*, где фигура святого отражается, как постараемся доказать, в “двух Миколках” – в образе пьяного мужика, убивающего лошадку в первом сне Раскольникова, и в образе маляра-сектанта, который обвиняет себя в убийстве процентщицы. Интересно будет рассмотреть именно эти указания на Угодника в свете одного фольклорного текста, вдохновившего по данной гипотезе Достоевского и подсказавшего ему образ этих двух радикально противоположных персонажей с одинаковыми именами.

II

Как уже сказано, ссылки на фигуру Николая у Достоевского можно отыскать и в произведениях, и в переписке – это заметно в некоторых из его самых популярных сочинений (любопытно в этом смысле, что в своем романе *В мире отверженных* Петр Якубович, например, писал, что в *Записках из мертвого дома* каторжные «богородицу смешивают с пресвятой троицей, Христа с Николаем-угодником»¹). Прямые отсылки к Николе встречаются в сочинениях разного времени – в четвертой главе *Унижен-*

1 Ирина Д. Якубович, “Записки из Мертвого дома и В мире отверженных П. Ф. Якубовича”, in *Достоевский. Материалы и исследования*, т. 8 (Ленинград: Наука, 1988), с. 200.

ных и оскорбленных герой наблюдает мрачную сцену “нетрезвой” «толстой бабы, одетой как мещанка» (ПСС 3; 258), которая в гневе собирается бить только что вернувшуюся домой маленькую Елену, но, увидев соседей, останавливается и кричит всем, оправдывая этими словами свой гнев:

Вижу у вас, бедных людей, на руках, самим есть нечего; дай, думаю, хоть для Николая-то угодника потружусь, приму сироту. Приняла. Что ж бы вы думали? Вот уж два месяца содержу, – кровь она у меня в эти два месяца выпила, белое тело моё поела! Пиявка! Змей гремучий! (ПСС 3; 258).

Николай Угодник, а вернее, церковь ему посвящённая, упоминается в *Игроке*, когда Полина приветствует бабушку и спрашивает её о здоровье. Отвечает она: «Вот видишь ты: лежала-лежала, лечили-лечили, я докторов прогнала и позвала пономаря от Николы» (ПСС 5; 254; как уточняют комментаторы ПССП [5; 595], та же московская церковь упоминается и в *Подростке*); в известной сцене встречи на мосту Ставрогина с Федькой в *Бесах*, последний рассказывает главе террористов, что недавно украл несколько ценных вещей в церкви («Николая Угодника подбородник, чистый серебряный, задаром пошел: семилеровый, говорят» [ПСС 10; 220]), а в *Подростке* мать героя в девятой главе поминает Угодника в своем молении:

Ну, господи... ну, господь с тобой... ну, храни тебя ангелы небесные, пречестная мать, Николай-угодник... Господи, господи! – скороговоркой повторяла она, всё крестя меня, всё стараясь чаще и побольше положить крестов, – голубчик ты мой, милый ты мой! Да постой, голубчик... (ПСС 13; 272).

Приведенные цитаты позволяют нам сказать, что Николай Угодник фигурирует у Достоевского в канонической своей роли – покровителя детей или одного из святых, наиболее почитаемых русскими, которые построили во имя его много церквей.² В этом контексте роман *Преступление и нака-*

2. Небезынтересно подчеркнуть, что в *Повести временных лет* упоминается уже в 882 году (т.е. до принятия Русью Христианства) церковь, посвященная Святому Николаю, происхождение которой неясно: якобы она была построена неким Ольмой (предположительно киевский боярин, о котором нет более точных сведений: *Повесть временных лет*, ред. Варвара П. Адрианова-Перетц [Санкт-Петербург: Наука, 1996], с. 409) около Печерского монастыря Киева, на месте гробницы, в которой лежал Аскольд, бывший в конце IX века правителем Киевского княжества. Борис Успенский выдвигает гипотезу о том, что Николай «был христианским именем Аскольда» (Борис А. УСПЕН-

вание представляется исключением: несмотря на то, что этот святой нигде прямо не называется, очень важными являются косвенные указания на него, а в особенности на его образ, который возникает из фольклорных текстов.

Только раз, насколько нам известно, Достоевский упоминает Чудотворца в письмах. Имеется в виду его переписка с Аполлоном Майковым, прежде всего, письмо Майкову от 9 октября 1870, где писатель пишет другу поэту: «Он нас не оставит, потому что Николай Чудотворец есть русский дух и русское единство» (ПСС 29; 144-145). В комментарии подтверждается, что образ Николая, который Достоевский имеет в виду, исходит именно «из народных преданий и легенд» (ПСС 29; 443). В своем письме Майкову Достоевский отвечал на его послание от 23 сентября 1870, где адресант представлял романисту «свои размышления об исторической миссии России» (*там же*). Эти размышления обретают у Майкова особую остроту в связи с общественно-политическими происшествиями лета и осени 1870 г., когда поэту стали ясны отрицательные последствия сильно напугавших его исторических событий: «падение наполеоновской империи в результате революционных событий 4 сентября, рождение французской республики, провозглашение догмата непогрешимости папы римского, грядущее образование германской империи и т. п.» (ПСС 29; 443-444). Майков пишет:

Боже мой. Империи падают, республики провозглашаются, провозглашается непогрешимость одного смертного и возникает империя, создаваемая протестантским богом [...] где же наш Николай Чудотворец – что же он-то думает, неужели он спит в то время, когда работают и политический и протестантский боги – ужели он за нас не потрудится, по старому обычаю своему [...]. Насколько хватит взор – горизонты блестящие, обширные, а опустишься в кресла [...] убеждаешься, что чудотворец, по-видимому, еще не тронулся на нас поработать [...]. Верю все-таки, несмотря на всю тупость и глупость видимую, что Миколка свое дело знает [...] с улыбочкой смотрит на подвиги протестантского бога, являющегося во всеоружии своих игольчатых ружей, нарезанных пушек, реквизиций, контрибуций и просмотрит и думает: «Наше дело впереди» (цит. по: ПСС 29; 444).

Письмо Майкова и ответ ему написаны после выхода *Преступления и наказания*, причем и в письме Майкова фигурируют два разных обраще-

ский, *Филологические разыскания в области славянских древностей. Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского* [Москва: Изд. МГУ, 1982], с. 21).

ния к Угоднику – официальное имя «Николай Чудотворец», и ласковая народная форма «Миколка» (последняя используется поэтом именно в обращении к святому как «скорпомощнику»)³.

III

Критика не раз затрагивала вопрос о связи Угодника с Достоевским, в том числе с первым из его великих романов. О нем высказался Георгий Мейер уже в своей книге 1967 г. о *Преступлении и наказании*, где предлагается интересное замечание о двойном характере Раскольникова. Согласно автору, сложность стоящего перед ним выбора между добром и злом отражается в двойном характере всякого человека, который, по сути, оказывается противоречивым и, в соответствии с мировоззрением самого Достоевского, «ежеминутно может изменить своему святому».⁴ По убеждению Мейера, внутренний мир Раскольникова можно увидеть в обращении с именами святых, которые у Достоевского «даются не случайно»,⁵ а отражают противоположные черты фольклорного изображения тех же святых (Микола милостивый и *скорпомощник*, но и Микола вор и врун). Также Мейер уточняет, что в представлении Достоевского всякий мыслитель имеет такой двойной характер, как характер Раскольникова. С одной стороны, эти черты в фольклоре могут представляться в форме двойной роли определенного святого (см., например, как в одних фольклорных текстах Николай Угодник – «русскому человеку большая помочь»,⁶ а в других же текстах, наоборот, этот же святой выступает в неприятных или неприличных, отрицательных ролях).⁷ С другой стороны эти черты могут быть представлены в парах святых, в которых, хотя оба святых носят звание «угодников», в легенде они являются антиподами. Как будет сказано дальше, одна из этих пар, состоящая из святых Николая и Касьяна, особенно важна для настоящей трактовки, потому что, как нам

3 Gerardo STOFFARI, "S. Nicola. Fiabe e leggende russe. Prima raccolta", *Bollettino di San Nicola [Numero speciale]*, 1982, п. 4, р. 2.

4 Георгий А. МЕЙЕР, *Свет в ночи* (о «Преступлении и наказании»). *Опыт медленного чтения* (Франкфурт: Посев, 1967), с. 81-82.

5 *Ibid.*, с. 81.

6 Павел И. Якушкин, "Николай угодник и Касьян угодник (народная сказка, сообщённая П. И. Якушкиным)", *Летописи русской литературы и древности, издаваемые Николаем Тихонравовым*, т. 1, ч. 2, отд. 3, 1859, с. 166.

7 УСПЕНСКИЙ, с. 125-126.

представляется, с этой парой святых могут быть связаны образы двух Миколок, изображенных Достоевским в романе *Преступление и наказание*. Как уточняет Мейер:

у Миколки-красильщика есть антипод, такой же, как и он, деревенский парень – Миколка, пьяный и дикий, насмерть забивающий несчастную лошадь. [...] Раскольников духовно связан с Миколкой-красильщиком и злодуховно с другим Миколкой, на смерть избивающим лошадь.⁸

В книге *Творческие принципы Достоевского* Ромэн Назиров тоже затрагивает связь Достоевского с Николаем Угодником и предлагает дальнейшее развитие идеи Мейера. Он в особенности останавливается на вопросе о снах в *Преступлении и наказании*, потому что «сновидения Раскольникова заражают сюжет»,⁹ и обращает особое внимание на «совпадение имен» двух Миколок: «Думается, между двумя Миколками существует тайное символическое тождество, и самообвинение маляра – это художественный результат сна о забитой лошади».¹⁰ Назиров не решает вопрос о возможном совпадении имен, но им интересовались другие исследователи творчества Достоевского.

Интересные замечания содержатся в комментариях Сергея Белова и Бориса Тихомирова к роману. Белов подтверждает не только важность совпадения имен двух Миколок, но и его высокое значение в судьбе героя: «между этими двумя Миколками, между верой и неверием и мечется Раскольников, связанный с обоими неразрывно: с одним – круговой порукой греха, с другим – надеждой на воскрешение».¹¹ Белов останавливается и на сильном впечатлении, которое произвела на Достоевского сцена избивания лошадки, что нашло отражение в автобиографических воспоминаниях писателя. Он не только ссылается на черновые записи к роману, где рукой Достоевского написано «как одна, загнанная лошадь, которую я видел

8 Мейер, с. 339.

9 Ромэн Г. НАЗИРОВ, *Творческие принципы Ф. М. Достоевского* (Саратов: Изд. Саратовского университета, 1982), с. 149.

10 *Ibid.*, с. 149.

11 Сергей В. БЕЛОВ, *Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»: комментарий* (Москва: КомКнига, 2010), с. 93. См. также замечание Наседкина: «А Миколка из сна странным образом персонифицируется в самого Раскольникова, превратившись в красильщика Миколку (Николая Дементьева), который возьмет на себя его преступление. Миколка из сна – как бы двойник-антипод Миколки-красильщика» (Николай НАСЕДКИН, *Достоевский. Энциклопедия* [Москва: Алгоритм, 2003], с. 344).

в детстве»,¹² но и упоминает «случай с фельдъегерем», который тронул Достоевского во время одного переезда из Москвы в Петербург, когда ему было пятнадцать лет. Перед глазами молодого писателя предстала тогда неприятная бытовая сцена – один фельдъегерь на почтовой станции угрожал кулаками ямщику, который в свою очередь «нахлестал лошадей, до того что они неслись как угорелые. [...] Эта отвратительная картинка осталась в воспоминаниях моих на всю жизнь».¹³ Следует добавить, что «дрожащих от слабости, загнанных, тощих крестьянских клячонок Достоевский мог видеть в деревне, в усадьбе родителей»,¹⁴ когда был молодым, недалеко от города Зарайска. В своих воспоминаниях Анна Григорьевна Достоевская рассказывает, что 21 марта 1880 г. писателя пригласили

участвовать на литературно-музыкальном вечере в зале Благородного собрания в пользу Педагогических курсов. Муж выбрал отрывок из *Преступления и наказания* – Сон Раскольников о загнанной лошади. Впечатление было подавляющее, и я сама видела, как люди сидели, бледные от ужаса, а иные плакали. Я и сама не могла удержаться от слез.¹⁵

Тихомиров опирается на книгу Мейера и соглашается с проблемой двух путей победы над миром («через кровь или через смирение»),¹⁶ а потом останавливается на двух подробностях: во-первых, он подчеркивает, что в романе «тождество имен сугубо подчеркнуто использованием достаточно редкого производного варианта: Николай/Миколка»;¹⁷ во-вторых, – что этим раздвоением Достоевский словно ссылается на мышление Георгия Федотова, в особенности, идею философа о том, что душу всякого народа больше не следует считать «однозначной», а понимание души народа должно «опираться скорее на полярные выражения национального характера».¹⁸

12 Белов 2010, с. 93.

13 *Ibid.*, с. 94.

14 Галина Ф. КОГАН, «Примечания к основному тексту романа», in Федор М. Достоевский, *Преступление и наказание*, под ред. Л. Д. Опульской, Г. Ф. Коган, (Москва: Наука, 1960), с. 740.

15 Анна Г. ДОСТОЕВСКАЯ, *Солнце моей жизни – Федор Достоевский. Воспоминания 1846-1917* (Москва: Бослен, 2015), с. 407-408.

16 Борис Н. ТИХОМИРОВ, «Лазарь! Гряди вон!». Роман Ф. М. Достоевского *Преступление и наказание* в современном прочтении. Книга-комментарий (Санкт-Петербург: Серебряный век, 2016) с. 136.

17 *Ibid.*, с. 135.

18 *Ibid.*

В более современной статье, ссылаясь именно на фигуру Святого Николая, Елена Агашина пишет на тему прототипов “двух Миколок”, приводя интересные гипотезы. Агашина останавливается в особенности на мотиве лошади в истории создания образа Николая Угодника, который «в русской традиции амбивалентен, неоднозначен. Его облик в народном представлении раздваивается, приобретая как светлые, так и темные черты»,¹⁹ поэтому не странно, что под его именем действуют два персонажа с противоположным поведением. В русле данного замечания Агашина обращает внимание еще на традиционную связь Николы с особыми животными, особенно с лошадьми, ибо «в народе этого святого всегда называли лошадиным святым» и праздник вешнего Николы был известен под названием «лошадиного праздника».²⁰

Однако в статье Агашиной не уточняются возможные фольклорные источники, на которые мог бы сослаться писатель, обращаясь к образу Угодника. Источники такие, наоборот, как представляется, являются особенно важными, потому что помогают понять, что образ «злого Миколки» из сна Раскольникова взят не только из воспоминаний писателя, но и из литературных источников.²¹ Имеются в виду легенды и предания о русских святых (угодниках), очень распространенные при Достоевском в журналах и в особых сборниках и собраниях. В этих фольклорных текстах содержатся исторические легенды, где святые могут играть двойную роль (сам Николай Угодник, как уже отмечено, может быть в них и вором или обманщиком), или самые лучшие из угодников, объединенные в пары, могут выступать противниками друг друга (Николай и Илья, Николай и Георгий, Петр и Николай). Это случай св. Касьяна, который по древней традиции считается «привратником ада» или адским святым, поэтому из святых оказывается самым подходящим к данной трактовке.

Цель данной статьи состоит в выяснении возможной связи (и ее отражении в воображении писателя) между парой Миколок в романе Достоевского и парой святых, действующих в достаточно известной

19 Елена Н. Агашина, “К проблеме двойников: два Миколки в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»”, *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*, 2009, № 2, с. 10.

20 *Ibid.*, с. 11.

21 О возможных других источниках сцены избияния лошадки, см.: Юрий В. ЛЕБЕДЕВ, Владимир И. МЕЛЬНИК, “О двух возможных источниках сна Раскольникова”, *Достоевский: Материалы и исследования*, т. 4 (Ленинград: Наука, 1983), с. 227-230; Александр П. ВЛАСКИН, *Творчество Достоевского и народная религиозная культура* (Магнитогорск: Изд. Магнитогорского ГПУ, 1994), с. 81.

народной легенде, *Николай угодник и Касьян угодник*, опубликованной в 1859 в *Летописях русской литературы и древности* Тихонравова. С этой легендой, как можно предположить, Достоевский, вероятнее всего, был знаком, и ее текст мог бы, как постараемся продемонстрировать, вдохновить его на изображение двух Миколок. Интересно показать, как писатель зафиксировал определенное внимание на этой легенде, сочетая ее сюжет и некоторые детали с другими литературными источниками, или, скорее, осовременивая фигуры Николая и Касьяна, чтобы «найти им место» в Петербурге XIX века. Данная гипотеза полностью совместима с особенностями воображения Достоевского, которое, как уже отметила Валентина Ветловская,²² имеет вертикальную структуру, и в рамках которой отражается «многоплановость» его мышления. Эта многоплановость проиллюстрирована Ромэном Назировым в его статье о мифотворчестве у Достоевского,²³ а затем точнее объяснена, с некоторыми примерами, Розанной Казари, согласно которой Достоевский «смешивает традиции, распространяя в повествовании мотивы, взятые из разных произведений, от разных персонажей, в чрезвычайно динамичных связях».²⁴ Результатом этого приема является то, что «в некоторых случаях», объясняет также Казари, в творчестве Достоевского «почти отсутствуют прямые ссылки на исходный античный миф, а на уровне текста узнаются только аллюзии, отголоски, намеки».²⁵

22. Валентина Е. ВЕТЛОВСКАЯ, «Достоевский и поэтический мир древней Руси (Литературные и фольклорные источники «Братьев Карамазовых»)», *Труды отдела древнерусской литературы* (Ленинград: Наука, 1974), с. 296.

23. Ромэн Г. НАЗИРОВ, «Специфика художественного мифотворчества Ф. М. Достоевского. Сравнительно-исторический подход», *Dostoevsky Studies. New Series*, vol. 3, 1999, с. 87-98. Здесь Назиров объясняет, что мифотворчество Достоевского «не просто комбинаторика сюжетов. Достоевский умел придавать мифам жгучую злободневность. Роман его выходит за пределы реализма, прозрачность воображаемого мира предвещает символизм, а повышенная экспрессивность, страсть к пародии, обращение к мифу, фольклору и народной религиозности сближают роман Достоевского с литературой модернизма» (с. 88).

24. Rosanna CASARI, «Giuseppe e i suoi fratelli, Giuseppe il Magnifico: tradizione letteraria e iconografica nei *Fratelli Karamazov* e ne *L'idiota*», in Marco CARATOZZOLO (ed.), *Dostoevskij e la tradizione* (Bari: Stilo, 2010), p. 64.

25. Розанна КАЗАРИ, «*Прекрасная сказка об Амуре и Психее* в творчестве Достоевского», in Людмила ЗАЙОНЦ (сост.), *На меже меж Голосом и Эхом: сб. статей в честь Татьяны Владимировны Цивьян* (Москва: Новое Издательство, 2007), с. 167.

IV

С письменной версией легенды о Николае и Касьяне русские читатели ознакомились только в 1859, но устные ее версии уже были распространены по всей России. Вспомним ее сюжет в изложении Владимира Соловьева, который описал легенду в первой главе своей книги *Россия и вселенская церковь* (книга написана на французском языке и опубликована в Париже в 1889 г., русский перевод вышел только в 1911).²⁶ В пересказе, который Соловьев помещает в свой памфлет, фигурируют придуманные им самим подробности: самая важная деталь состоит в том, что во всех фольклорных текстах это Бог, а не св. Петр принимает в рай двух угодников, их опрашивает и наказывает Касьяна. Во всяком случае, в версии Соловьева не меняется общий смысл рассказа. Его текст звучит так:

Святой Николай и святой Кассиан, [...] посланные из рая навестить землю, увидели однажды на дороге бедного крестьянина, телега которого, нагруженная сеном, глубоко завязла в грязи и который делал бесплодные усилия, чтобы заставить свою лошадь сдвинуть воз с места.

– Пойдем, подсобим доброму человеку, – сказал святой Николай.

– Сохрани меня Бог, – ответил святой Кассиан: – я боюсь запачкать свою хламиду.

– Ну, тогда подожди меня или лучше иди себе без меня своей дорогой, – сказал святой Николай, – и бесстрашно забравшись в грязь, он бодро помог мужику вытащить телегу из колеи.

Когда, покончив с этой работой, святой Николай догнал своего товарища, он был весь в грязи, а запачканная и разорванная хламида его напоминала рубище бедняка. Велико было изумление святого Петра, когда он увидел его в этом виде у врат рая.

– Э! Кто тебя так отделал? – спросил он его.

Святой Николай рассказал, как было дело.

26 Цель философа в том, чтобы четко отделить, с помощью фигур Николая и Касьяна, католическую церковь от православной и заявить, что, в отличие от русской, «Западная Церковь, верная своему апостольскому призванию, не побоялась погрузиться в грязь исторической жизни. В течение долгих веков она была единственным началом нравственного порядка и умственной культуры среди варварских народов Европы и принуждена была поэтому принять на себя и весь труд материального управления рядом с духовным воспитанием этих, независимых по своему духу и суровых по своим инстинктам, народов» (Владимир СОЛОВЬЕВ, *Россия и вселенская церковь*, пер. с французского Г. А. Рачинского [Москва: Путь, 1911], с. 79).

– А ты, – спросил святой Петр святого Кассиана, – разве не был с ним при этой встрече?

– Как же, но я не имею привычки вмешиваться в то, что меня не касается и прежде всего я подумал о том, чтобы не загрязнить девственную белизну моей хламиды.

– Ну так вот, – сказал святой Петр, – тебя, святой Николай, за то, что ты не побоялся испачкаться, выручая ближнего из беды, отныне будут праздновать два раза в году, и ты будешь в глазах всех крестьян святой Руси самым большим святым после меня. А ты, святой Кассиан, довольствуйся непорочной белизной твоей хламиды, а праздновать тебя будут лишь в високосные года – раз в четыре года.²⁷

Насколько известно, *Сравнительный указатель сюжетов* восточнославянских сказок (авторы-составители Лев Г. Бараг, Иван Березовский, Константин Кабашников и Николай Новиков) – это единственный источник, где отмечаются все варианты рассматриваемой легенды. В нем отмечается,²⁸ что существуют четыре письменные версии данной легенды – две на русском и две на белорусском языке. Белорусские версии, сходные по сюжету, были опубликованы этнографом Романовым в IV томе *Белорусского Сборника*, но только в 1891, поэтому с ними Достоевский не мог быть знаком, тем не менее, они содержат по крайней мере две интересные подробности, которые здесь полезно отметить: в первой версии разительный контраст между двумя угодниками символически выражен и через одежду – у Касьяна было платье, расшитое золотом, а у Николы простое и белое;²⁹ во второй, напротив, интересно, что Касьян призывает Николая не тратить время на то, чтобы помочь крестьянину, иначе «будут говорить, что ты где-нибудь валяешься пьяный!»³⁰

Больше всего нас интересуют две первые версии легенды, тоже очень близкие по времени написания (обе вышли в 1859) и по сюжету:

а) Версия Якушкина вышла под названием *Николай угодник и Касьян* в первом томе *Летописи русской литературы и древностей* – ежегодника, выпущенного в 1859-1863 гг. издателем Николаем Тихонравовым. Текст

27 Соловьёв, с. 77-78.

28 Лев Г. БАРАГ, Иван П. БЕРЕЗОВСКИЙ, Константин П. КАБАШНИКОВ, Николай В. НОВИКОВ, *Сравнительный указатель сюжетов. Восточно-славянская сказка* (Ленинград: Наука, 1979), с. 199.

29 Евдокий Р. РОМАНОВ, *Белорусский сборник. Выпуск четвертый: сказки космогонические и культурные*. Собрал Е. Р. Романов (Витебск: Малкин, 1891), с. 15.

30 *Ibid.*, с. 15-16.

легенды был популярен в русских и белорусских краях и был записан в Орловской губернии русским этнографом Якушкиным, который за свою жизнь собрал огромное количество сказок, народных песен и загадок. Не найдено до сих пор никаких свидетельств о возможном знакомстве Достоевского с Якушкиным. Только в конце XIX века Аничков в важном очерке о святом Николае в фольклоре написал о существовании двух вышеуказанных белорусских версий.³¹ В той же книге, поддерживая замечание Веселовского, Аничков подчеркивает,³² что источником этой легенды может быть апокрифическое сказание о чуде царя Синагриппа, которое Пропп определяет так: «оказавшись на корабле во время бури, он испугался несчастья и обратил свои молитвы к святому Николаю, который спас его, а святой Феокист отказался это сделать».³³ От афанасьевской версии якушкинская версия отличается только тем, что Бог наказывает Касьяна не только за то, что не помог крестьянину, но и за то, что неправильно обратился к нему: «Слушай, Касьян, угодник божий, сказал Господи: – не умел ты меня назвать: назвал вашим благородием, за то тебе в два года один молебен».³⁴ Хотя еще не обнаружено прямых свидетельств того, что Достоевский знал легенду в версии Якушкина, не подлежит сомнениям некая связь между Тихонравовым и Достоевским уже во время работы писателя над романом, поэтому трудно представить, что Достоевский не знал легенды. Несмотря на то, что Белов уточняет, что личное знакомство издателя с писателем состоялось только «в начале июня 1880»,³⁵ известно, что Достоевский был знаком с издательской деятельностью Тихонравова и внимательно следил за публикациями, выходившими под его редакцией уже с начала шестидесятых годов. Он внимательно читал *Житие протопопа Аввакума*, изданное под редакцией Тихонравова в 1861 году, и регулярно читал и *Летописи русской литературы и древности*, если иметь в виду, что он отозвался на первый том (ПСС 15; 478) (именно тот, где появилась легенда), на второй том (ПСС 18; 299) и на четвертый том (ПСС 12; 357) изданного Тихонравовым журнала. Напомним еще замечание Ветловской о том, что с поэмой *Хождение Богородицы по мукам*, которая упоминается

31 Евгений В. Аничков, “Микола угодник и св. Николай”, in *Записки Нео-филологического Общества при Императорском Санкт-Петербургском Университете*, вып. 2 (Санкт-Петербург: Балашев, 1892), с. 43.

32 *Ibid.*, с. 43-44.

33 Владимир Я. Пропп, *Поэтика фольклора* (Москва: Лабиринт, 1998), с. 295.

34 Якушкин, с. 166.

35 Сергей В. Белов, *Ф. М. Достоевский и его окружение. Энциклопедический словарь*, т. 2 (Санкт-Петербург: Алетейя, 2001), с. 295.

в *Братьях Карамазовых* (ч. II, кн. 5, гл. 5), Достоевский «был знаком» именно по версии, изданной Тихонравовым во втором томе *Памятников отреченной русской литературы* от 1863.³⁶

б) Версия Афанасьева носит название *Касьян и Никола* и была включена фольклористом уже в первое издание его известного сборника *Народные русские легенды* от 1859 г. (опубликован в Лондоне, а в следующем году в России; сборник переиздавался не раз в последующие годы). Совпадение года публикации этой и якушкинской версий объясняется тем, что Афанасьев слышал от самого Якушкина текст легенды и решил сразу включить его в свой сборник народных легенд³⁷ с упрощением мелких деталей. Следует уточнить, что еще не установлено, был ли Достоевский знаком со сборником легенд Афанасьева. По мнению Ветловской (*ПСС* 15; 572) писатель, который «всегда интересовался устным народным творчеством»,³⁸ тем не менее, не знал сборника Афанасьева, но Вячеслав Михнюкевич и Лидия Лотман думают по-другому: первый на самом деле упоминает в своей книге о Достоевском и фольклоре афанасьевскую версию легенды,³⁹ а вторая идет ещё дальше и утверждает, что «скандал», который вызвало издание тома легенд Афанасьева, вместе с публикацией других томов легенд и апокрифов для серии Полного Собрания Русских Летописей, «должны были привлечь внимание Достоевского».⁴⁰

V

Святому Касьяну посвящено немало научных исследований. В них подчеркиваются его особенно неприятные русскому народу черты и его статус одного из наименее почитаемых святых. Как объясняет Владимир Чичеров, наделение Касьяна оборотническими чертами («демонологическая

36 Валентина Е. ВЕТЛОВСКАЯ, «*«Идеал Мадонны» в «Братьях Карамазовых»*», in *Достоевский. Материалы и исследования*, т. 15 (Санкт-Петербург: Наука, 2000), с. 316.

37 Александр Н. АФАНАСЬЕВ, *Народные русские легенды*, собранные А. Н. Афанасьевым (Москва: Изд. Н. Щекина и К. Солдатенкова, 1859), с. 42-43.

38 Нина Ф. БУДАНОВА (ред.), *Библиотека Ф. М. Достоевского. Опыт реконструкции. Научное описание* (Санкт-Петербург: Наука, 2005), с. 20.

39 Вячеслав А. МИХНЮКЕВИЧ, *Русский фольклор в художественной системе Ф. М. Достоевского* (Челябинск, 1994), с. 160.

40 Лидия М. ЛОТМАН, *Реализм русской литературы бох годов XIX века* (Ленинград: Наука, 1974), с. 285. См. тоже: Николай К. ПИКСАНОВ, «Достоевский и фольклор», *Советская этнография*, 1934, № 1-2, с. 162.

сущность», по определению Николая Мендельсона)⁴¹ и создание его образа «адского святого» связаны с феноменом «соединения элементов язычества и христианства в народных суевериях и обрядах» (*двоеверия* по терминологии Чичерова),⁴² вследствие которого день, посвященный ему, органически связан с аграрным календарем. С принятием русскими Христианства, однако, этот день – 29 февраля, день св. Касьяна – стал наделяться в народе отрицательными качествами и стал восприниматься как неприятный день, в который может произойти что-то нехорошее. В частности, Чичеров приводит цитату из *Месяцеслова* Владимира Даля, где в отношении Касьяна употребляются следующие слова: «завистливый, злопамятный, недоброежелатель, завистник, скупой, немилостивый» (а с эпитетом «милостивый» обычно обращаются к Николаю); добавим, что существует немало поговорок, где отмечаются отрицательные качества Касьяна: «Зинул Касьян на крестьян»; «Касьян на что ни взглянет – вянет»; «Касьян на народ – народу тяжело, Касьян на траву – трава сохнет, Касьян на скот – скотдохнет»; «Касьян на скот взглянет – скот валится, Касьян на дерево – дерево сохнет».⁴³

Как уже сказано, в старом календаре день, посвященный Касьяну, фактически приходился на 29 февраля, то есть на последний день по старому счету нового года (как отмечает Джерардо Чоффари, праздник Феоктиста также приходился на 29 февраля).⁴⁴ Этот день считался зловещим и опасным, поэтому в этот день было опасно выходить из дома, а с наступлением високосного года рекомендовалось в тот же день не сеять, не праздновать браки и даже не планировать рождение детей, поскольку они могли умереть. По разным поверьям, сам Касьян «живет в аду, [...] он сторож ада, стережет бесов»;⁴⁵ в приписываемых ему историях (у чертей он был похищен в детстве) представляет демонические элементы: вероломство, зависть, малый рост, пристрастие к мучению животных. В этой последней его черте, особенно ярко проявившейся в восточнославянском фольклоре

41 Николай М. Мендельсон, «К поверьям о св. Касьяне», *Этнографическое обозрение. Издание этнографического отдела Императорского Общества Любителей Естественных, Антропологии и Этнографии, состоящего при Московском Университете*, 1897, № 1, с. 1.

42 Владимир И. Чичеров, «Из истории народных поверий и обрядов («Нечистая сила и Касьян»)", *Труды Отдела Древнерусской Литературы Института Русской Литературы*, т. 14 (Москва-Ленинград: АН СССР, 1958), с. 529.

43 *Ibid.*, с. 531.

44 Gerardo CIOFFARI, *San Nicola: leggende e cronache russe* (Bari: Centro Studi Nicolaiani, 1986), p. 3.

45 Чичеров, с. 532.

из сибирского региона (где Достоевский, как известно, долго был на ка-торге), отразилось поверье, что Касьян отворачивает головы птенцам, убивая их или превращая в чудовищ.⁴⁶ Напомним также, что демонический образ Касьяна был источником вдохновения для других авторов русской литературы, в том числе и Гоголя, если иметь в виду уточнение Назаревского о том, что «многие поверья о Касьяне обнаруживают, что некоторые черты его внешности и его свойства напоминают Вия».⁴⁷

Помимо упомянутых нами четырех версий, легенда о Касьяне и Николае распространена и в других вариантах, которые отражены только в устных свидетельствах: в одном из них вместо крестьянина фигурирует вдова, собирающаяся рожать; в другом – святой Илья, а крестьянин, у которого увязла телега, рискует утонуть в грязи.⁴⁸ В то время как Касьян полностью игнорирует его, Илья спасает его от смерти, но не вытаскивает телегу из грязи; Николай же делает и то, и другое и получает два праздника каждый год, в отличие от Ильи (один раз в год) и Касьяна (один раз в четыре года). Существует еще одна интересная легенда, касающаяся только Касьяна и даты его праздника, согласно которой святой «три года подряд в день своих именин пьянствовал и только на четвертый год был трезв. Поэтому его и положено праздновать один раз в четыре года – в день, когда Касьян был трезв».⁴⁹ Как уточняется дальше, склонность Касьяна к мучению животных и к пьянству – это черты, имеющие особое значение.

VI

Если рассмотреть сложное переплетение отрицательных черт Касьяна и, напротив, положительных – Николы, которые ясно представлены в основном сюжете легенды, можно предположить, что этот текст оказался очень близким для Достоевского, когда он придумал не только структуру рома-

46 Татьяна А. Агапина, *Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл* (Москва: Индрик, 2002), с. 42.

47 Александр А. Назаревский, “Вий в повести Гоголя и Касьян в народных поверьях о 29 февраля”, in А. А. СЕТЕНКО (под ред.), *Вопросы русской литературы*, вып. 2 (Львов: Изд. Львовского Университета, 1969), с. 42. Интересно, что Назаревский в данной статье ссылается именно на легенду о Николае и Касьяне, которую он уже затрагивал в предыдущей работе (см.: Александр А. Назаревский, *Из истории русско-украинских литературных связей: старинные книжные легенды и их связи с русским и украинским фольклором* [Киев: Изд. Киевского Университета, 1963]).

48 УСПЕНСКИЙ, с. 34-35.

49 ЧИЧЕРОВ, с. 532.

на, но и двух Миколок, которые, повторяю общее критическое мнение, представляют два возможных противоположных пути, перед которыми Раскольников оказывается, как на распутии, перед тем, как решает совершить убийство.

Вспомним теперь некоторые детали, связанные, с этими двумя персонажами. Крестьянин Миколка приснился Раскольникову в пятой части первой главы романа, перед убийством. Герой бродил по петербургским улицам в тисках мучительных мыслей. Съев пирог и выпив рюмку водки в уличной харчевне, он почувствовал себя очень усталым и по дороге домой «сошел с дороги, вошел в кусты, пал на траву и в ту же минуту заснул» (ПСС 6; 45). В «страшном сне», который ему снится, Раскольников видит себя самого в возрасте семи лет.⁵⁰ Остановимся на этой сцене и уточним некоторые детали:

- Раскольников, отмечает Виктор Шкловский,⁵¹ засыпает в том же месте, где гуляет Свидригайлов, «которому мерещились высоко поднявшаяся за ночь вода Малой Невы, Петровский остров, мокрые дорожки, мокрая трава, мокрые деревья и куст» (ПСС 6; 394);
- во сне маленький Родя гуляет с отцом «за городом», т. е. оставляет город и гуляет «где-то очень далеко», где «чернеется лесок», «на самом краю неба» (ПСС 6; 46);
- кабак, перед которым разворачивается сцена избиения и убийства лошадки находится по дороге к кладбищу, куда в тот момент отправляются Родя с отцом. По описанию автора, именно то кладбище с церковью представляются Раскольникову очень приятным местом, тем более что с ним связаны детские радостные воспоминания самого писателя;
- размеры сразу замеченной Родей телеги далеко не соответствуют размерам лошадки, которую Достоевский описывает такими словами: «маленькая, тощая, саврасая крестьянская клячонка, одна из тех, которые – он часто это видел – надрываются иной раз с высоким каким-нибудь возом дров или сена, особенно коли воз застрянет в грязи или в колее» (ПСС 6; 47);⁵²
- Миколка – молодой и толстый мужчина, с лицом «мясистым и крас-

50 Интересное замечание приводит по этому поводу Мейер, подчёркивая, что Достоевский «прибегает к особому художественному приему, объединяя их [герой Раскольников и маленький Раскольников во сне] словом он» (МЕЙЕР, с. 340).

51 Виктор Б. Шкловский, *За и против. Заметки о Достоевском* (Москва: Советский писатель, 1959), с. 219.

52 Здесь и далее, курсив в цитатах – мой (М. К.).

- ным как морковь», как другие пьяные мужики, носит красно-синюю рубашку «с армяками внакидку» (ПСС 6; 47);
- Миколка оправдывает свой поступок тем, что кобылка «даром хлеб ест», а потом, убив ее, «кричит Миколка, с ломом в руках и *с налитыми кровью глазами*. Он стоит будто жалея, что уж некого больше бить» (ПСС 6; 49);
 - во время избиения лошадки, «один старик из толпы» старается реагировать и кричит Миколке: «Да что на тебе креста, что ли, нет, леший!». Вскоре, однако, этот старик перешел на сторону мучителей, «не выдержал и усмехнулся» (ПСС 6; 48).
- Рассмотрим теперь сектанта Миколку. Он красильщик, в минуты убийства работает именно в здании процентщицы, на два этажа ниже от ее квартиры. Это, как известно, особенно важный персонаж романа, отражающий, по выражению Белова (который называет его «христианским эстетиком»), *религиозные взгляды автора*,⁵³ в частности староверческую идею принятия на себя вины других, в данном случае – вины атеистического Раскольникова, чтобы «страдание принять». Остановимся на некоторых подробностях, касающихся его:
- Миколка – красильщик, поэтому он довольно часто в контакте с *белым цветом*; белый свет возвращается не раз в коротких описаниях его внешнего вида: «побелел, ровно мел» (ПСС 6; 107), «бледный человек» (ПСС 6; 270),
 - хозяин пивнушки, где Миколка пропивает найденные серьги, знает его с детства и уточняет, что они оба «из Зарайска»; «Миколай», добавляет он, «хоть *не пьяница*, а выпивает» (ПСС 6; 106);
 - в течение романа то к нему обращаются формой Микола, то – формой Николай: «неужели ты не видишь, по всем этим данным, что это за натура, этот Николай?» (ПСС 6; 109), кричит Раскольников Зосимову, а Разумихин попозже: «Если убили они, или только один Николай, и при этом ограбили сундуки со взломом, или только участвовали чем-нибудь в грабеже, то позволь тебе задать всего только один вопрос» (ПСС 6; 109).

Подводя итоги, на основе проанализированных материалов, кажется, вполне возможно утверждать, что среди различных источников, которые пересекались в сознании Достоевского во время работы над *Преступлением и наказанием*, есть легенда о Касьяне и Николае, кото-

53 Сергей В. БЕЛОВ, *Ф. М. Достоевский. Энциклопедия* (Москва: Просвещение, 2010), с. 531.

рая, в форме довольно навязчивых литературных ссылок, повлияла на создание образов двух Миколок и на их полярные функции в романе: плохого Николая (то есть Касьяна), путь которого Раскольников должен избегать, и хорошего Николая, которому следует подражать.

Как объяснила Розанна Казари,⁵⁴ переработка Достоевским различных текстов не позволяет нам найти сюжет или отсылки в его текстах в неизменном виде, но мы должны полагаться на отсылки, которые кажутся особенно очевидными. Действительно, отсылки к легенде, которую Якушкин записал и опубликовал в 1859 году в *Летописях...* Тихонравова, а которую вскоре после этого переиздал Афанасьев в томе *Народных легенд*, многочисленны:

- грязь, в которой увязла крестьянская повозка, в легенде отражена и в упоминании места, где засыпает Раскольников, которого Свидригайлов избегает, потому что ненавидит, когда вода смешивается с травой и деревьями, и в упоминании кобылы-мечты, которую Достоевский определяет как одну из тех, на которых вытаскивают увязшую повозку;
- художественное пространство легенды разделено между местом, где живут обычные люди (улица, земля), и раем, где Бог ждет двух святых, но такое же четкое разделение представлено и во сне Ракольникова: четко очерченное “земное” место, лес с кабаком, где происходит событие, противостоит определенным утешительным пространствам, которые представляют собой пространство спасения и чистоты: кладбище недалеко, которое любит Раскольников (и любил маленький Достоевский); город «далеко»; рай, «на самом краю неба»;
- фигура крестьянина Миколки во многом соответствует традиционному для русских образу святого Касьяна – мстительного святого, жестокого с животными, пьяницы, но прежде всего с дьявольскими элементами; эти характеристики хорошо представлены в фигуре недоброго персонажа из сна Раскольникова, чьи «налитые кровью» глаза, красная рубаха, склонность толкать других на грех и не слушать призывов остановиться приближают его к Касьяну. Вспомним также, что в тексте Якушкина есть небольшой намек на жестокость Миколки там, где указывается, что крестьянин, не в силах вытащить телегу из грязи, «бился, бился мужик - ничего не сделает!»;
- в построении характера старообрядца Миколки прослеживаются отсылки к фигуре святого Николая: совпадение имени (более того, полезно заметить, что его также называют обеими формами – Миколка

54 См. Казари.

- и Николай) и готовность этого персонажа взять на себя чужую вину и чужое наказание – это, конечно, лишь общие подсказки, но если говорить поподробнее, то бросается в глаза, что Миколка действительно из Зарайска. Как известно, этот город сильно связан с одним из самых значимых образов святого, иконой Николая Зарайского – типом изображения, известным с XII века и связанным с древней *Повестью о перенесении иконы Николы из Корсуни*, в которой рассказывается о том, как икона из Корсуни попала в Зарайск и здесь была освящена. Напомним также, что в Рязанской губернии «согласно окончательному тексту, живут мать [Раскольников] и Дунечка и оттуда родом сам Раскольников», а еще, что в самом Зарайске «Достоевский ребенком проводил каждое лето с 1831 по 1836» и туда «Достоевские часто ездили на ярмарки и большие базары»;⁵⁵
- близость маляра Миколки к белому цвету (в то время как другой Миколка носит красно-синюю рубаху), а деталь, что он «не пьяница, а напивается», ставят его в антиподы по сравнению с крестьянином из сна и подтверждают стремление Достоевского выстроить отношения между двумя Миколками с помощью резких оппозиций;
 - старик, который во сне стоит в толпе и, по крайней мере поначалу, противостоит злобности Миколки, что напоминает представление об Угоднике в русском фольклоре, где он всегда предстает в виде бородатого, измождённого старика. Стоит отметить, что старик обвиняет Миколку в том, что он леший, и его риторично спрашивает, «крест [ли] на тебе», – деталь, которая может, с одной стороны, отсылать к сохранению языческих элементов в фигуре Касьяна, а с другой – напоминать о натальном кресте, который переходит от Лизаветы к Соне и, наконец, к Раскольникову, после признания им своей вины.

На основе всего вышеизложенного можно выдвинуть гипотезу о наличии у Достоевского точной системы источников (в данном случае имеются в виду фольклорные материалы о Николае угоднике), элементы которой затем распространяются по всему тексту романа, начиная с центральной сцены – сна Раскольникова. Поэтому хочется надеяться, что дальнейшие исследования этих не вполне явных намеков, отсылок, непрямых указаний, почерпнутых из традиции русского устного и письменного фолькло-

55 Тихомиров, с. 195, 208. По Моисею Альтману, «связью с *раскольничьей* Рязанской губернией Раскольникова и раскольника Миколки Достоевский подчеркивает [...] их, в определенном отношении, близость» (Моисей С. АЛЬТМАН, *Достоевский: По ведам имен* [Саратов: Изд. Саратовского университета, 1975], с. 193).

ра, могут способствовать более глубокому и полному пониманию поэтики и художественного метода Достоевского, а также выдвижению новых интерпретационных гипотез относительно его романа *Преступление и наказание*.

